

А. В. Петровский

Р
О
Л
Ь

Ф
А
Н
Т
А
З
И
И
В
Р
А
З
В
И
Т
И
И
Л
И
Ч
Н
О
С
Т
И

ПЕДАГОГИКА

1961
СЕРИЯ XI

4

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат педагогических наук
А. В. ПЕТРОВСКИЙ

РОЛЬ ФАНТАЗИИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

*Печатается по рекомендации правления Общества
по распространению политических и научных знаний
РСФСР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Фантазия и реальность	4
Творческое воображение	6
«Техника» фантазии	11
Мечта вчерашнего дня	14
Мы рождены, чтоб сказку сделать былью	17
Воображение — продукт работы мозга	20
Грезы вместо дела	25
Об утопиях	28
Галлюцинации и сновидения	29
Религиозные вымыслы	34
О развитии воображения	37
Методические советы лектору	45
Литература	47

Автор
Артур Владимирович Петровский

Редактор **А. Д. Маневский**
Техн. редактор **Е. В. Савченко**
Корректор **Э. А. Шехтман**
Обложка художников **К. А. Павлинова**
и **В. П. Стрельникова**

A04202. Подписано к печати 8/II 1961 г. Тираж 33 000 экз. Изд. № 22
Бумага 60×92¹/₁₆—1,5 бум. л.=3,0 печ. л. Учетно-изд. 2,80 л. Зак. № 5^р.
Цена 9 коп.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Фантазия, или воображение, принадлежит к числу важнейших психологических проявлений человеческой личности. Творческий, действенный характер фантазии, ее сила и богатство — существенный показатель развития личности человека. А. М. Горький указывал, что именно вымысел и замысел поднимают человека над животными.

Фантазия, мечта — необходимое условие претворения в жизнь творческих сил человека, направленных на преобразование действительности. Она является элементом научного предвидения, роль которого особенно велика в нашей стране, где в государственных планах развития хозяйства закреплены великие чаяния народа.

«Кремлевским мечтателем» назвал В. И. Ленина Герберт Уэллс, но знаменитому английскому фантасту. — автору «России во мгле» — явно не хватило воображения, чтобы представить себе осуществленными грандиозные замыслы вождя Советской России. Сегодня, когда мечта Ленина облечена в гранит наших городов, в сталь машин и заводов, в освоение целинных земель, в ослепительный свет электростанций, в величавый полет космических кораблей, даже самые оголтелые враги коммунизма не могут не признавать дальновидность и правоту великого Ленина.

В. И. Ленин, умевший мыслить поразительно трезво и реалистически, придавал огромное значение фантазии: «Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке»¹, «Фантазия есть качество величайшей ценности...»².

Советская молодежь много мечтает об открытиях и изобретениях, о желанной, радостной работе, о заветном жизненном деле, о большой и хорошей любви, о верной дружбе, а порой — о подвигах, о славе, о счастье. Иногда юноша или девушка немного стыдятся своих мечтаний, предпочитают умал-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 370. Изд. 4-е.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 284.

чивать о них, считая мечты и фантазию уделом детства, чем-то уже «несолидным» для человека, вступающего в жизнь. Между тем, мечты, если они действительно прекрасны, лишь облагораживают человека, и счастлив тот, кто и в молодости, и в зрелости, и даже в старости не утратил замечательной привычки мечтать.

«...Молодежи всех времен и поколений свойственно предаваться мечтаниям и разным фантазиям. Это — не порок, а ценное достоинство. Ни один деятельный и нормально мыслящий человек не может обойтись без фантазии. Но у молодежи эта склонность бывает развита значительно сильнее, чем у пожилых людей... Вы — ученики 9-х и 10-х классов. Это как раз тот возраст, когда людей обуревают фантазии и стремления к чему-то большому. Да иначе и быть не может. Какие же вы советские молодые люди, если у вас нет фантазии о большой жизни, если каждый из вас не думает своротить горы или перевернуть земной шар Архимедовым рычагом»¹.

Таким архимедовым рычагом, который может перевернуть Землю, является и сама фантазия, если она имеет точку опоры в большом труде на пользу человечества, если она отлетает от реальной действительности лишь для того, чтобы глубже в нее проникнуть.

Роли фантазии в развитии личности и посвящена данная брошюра.

ФАНТАЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Что же представляет собой психический процесс воображения, или фантазия, и как он относится к реальной действительности, отражением которой в мозгу человека является психика?

Казалось бы, что может быть дальше друг от друга, нежели «фантазия» и «реальность»? Вот уж воистину полярные, во всем противоположные понятия. Когда мы говорим о человеке «он фантазер», то этим хотим подчеркнуть, что он не считается с реальной действительностью, противопоставляет выдумку тому, что есть на самом деле, живет в нереальном мире своих фантастических мечтаний. И тем не менее нельзя, невозможно оторвать фантазию от реальности.

В фантастическом романе А. Конан-Дойля «Затерянный мир» группа ученых во главе с профессором Челенджером попадает на горное плато, расположенное в джунглях Южной Америки, где сохранился животный мир очень давних эпох, где рядом с небольшим индейским племенем, неизвестно как сюда попавшим, живут воинственные обезьянолюди.

Что же является вымышленным и фантастическим в этой

¹ М. И. Калинин. Статьи и речи о коммунистическом воспитании, стр. 128. М. Учпедгиз. 1951.

интересной книжке? Описание внешнего вида, повадок, образа жизни первобытных динозавров, птеродактилей и игуанодотов? Но ведь в любом трактате по палеонтологии имеются подобные описания. Более того, современная наука располагает сведениями, что некоторые из доисторических животных (считавшихся вымершими еще в незапамятные времена) до сих пор существуют в глухих уголках Африки и Австралии, в недрах мирового океана.

Не больше фантазии в описании А. Конан-Дойлем быта и наружности обаянлюдей. Находки костей, грубых орудий, слоев земли от костров дали возможность ученым реконструировать образ жизни и внешний облик наших далеких предков. В этом отношении роман Конан-Дойля не более фантастичен, чем любое научное изыскание по антропологии и истории первобытного общества.

Что же в таком случае оправдывает определение «фантастический роман»? Необычайное сочетание реальных событий, фактов, явлений во времени и пространстве. Фантастично объединение в общей ситуации английского лорда и вожака обезьянолюдей, бойкого журналиста и гигантского динозавра, профессора и живого птеродактиля, но не само описание каждого из них. Ведь и «избушка на курьих ножках», которая по требованию героя сказок поворачивается к нему «передом, а к лесу задом», фантастична лишь сочетанием отдельных элементов, из которых складывается этот традиционный образ: сами по себе жилистые куриные лапы и покосившаяся ветхая избушка весьма будничны.

Как бы ни были причудливы произведения фантазии, они представляют лишь необычайное сочетание образов, реальность и жизненная правдивость которых для нас несомненны. Воображение, фантазия — это отражение реальной действительности, но в иных, необычайных, неожиданных сочетаниях и связях. Если придумать даже что-то совершенно необычное, то при анализе легко выяснится, что все элементы, из которых сложился вымысел, взяты из жизни, почерпнуты из прошлого опыта, и что они «фантастичны» не более, чем упомянутые «куриные ножки».

Однако связь фантазии с реальностью не исчерпывается тем, что последняя является единственным поставщиком «строительного материала» для созидания образов. Причина, которая побуждает человека окунуться в море фантазии, также заложена в некоторых особенностях реальной действительности. Человеку свойственно бесчисленное множество потребностей, причем реальному удовлетворению их обычно предшествует иллюзорное (пока что только в воображении), то есть живое, яркое представление той ситуации, при которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Например, испытывая в жаркий летний полдень настоящее желание вы-

купаться, мы отчетливо, с наслаждением представляем себе, как подходим к реке, раздеваемся, прыжком погружаемся в прохладную, освежающую воду, и, вынырнув, сильными рывками, как бы поднимая под себя воду, плывем к противоположному берегу.

Потребности и желания выступают в качестве источника воображения: при анализе того или иного воображаемого представления нетрудно обнаружить за ним те потребности и желания, которые вызвали его к жизни. *Беспричинных образов фантазии нет и быть не может.* Это касается любого фантастического вымысла — от наивной сказки для детей до самой беспардонной лжи, на которую способен какой-нибудь современный потомок Мюнхгаузена.

ТВОРЧЕСКОЕ ВОООБРАЖЕНИЕ

Образы фантазии (в форме мечты о чем-то) служат теми путеводными огоньками, которые ведут человека к цели, пусть далекой, сейчас еще практически недостижимой, но такой заманчивой, желанной. Д. И. Писарев писал: «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать... если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной красоте то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу себе представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни»¹.

Двадцать с лишним лет работал Александр Иванов над своим гениальным полотном «Явление Христа народу» и что, кроме мечты о создании совершенного реалистического произведения, могло поддерживать его творческие искания? Мечтой о том, чтобы взять у природы больше, чем она дает человеку из милости, прожил свою великую и нелегкую жизнь Иван Мичурин. Мертвая петля — первая фигура высшего пилотажа Петром Нестеровым была сначала выполнена в мечтах, а затем 9 сентября 1913 года в воздухе на самолете Ньюпор, «летающей этажерке», как тогда называли подобные неустойчивые и неуклюжие воздухоплавательные аппараты. Мечтой о счастье для обездоленных и свободе для угнетенных жили выдающиеся революционеры всех времен и народов.

Но не только высокие мечты замечательных людей обнаруживают живую связь фантазии с потребностями и желаниями, с общественно полезной деятельностью. *Любой трудовой процесс с необходимостью включает в себя фантазию.* Для того чтобы сделать простой стол, фантазия не менее необходима.

¹ Д. И. Писарев. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 124. 1935

чем для написания оперной арии или романа: надо заранее представить, какой формы будет стол, какой он будет высоты, длины и ширины, как будут скреплены ножки; одним словом, до начала работы требуется видеть этот стол уже как бы готовым.

Не вообразив себе готовый результат труда, нельзя приниматься за работу. *В представлении ожидаемого результата работы при помощи фантазии — коренное отличие человеческого труда от инстинктивной деятельности животных.* «Паук совершает операции, напоминая операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»¹.

Чем больше мы приближаемся к осуществлению великой мечты человечества — созданию коммунистического общества, тем заметнее возрастает роль фантазии в реальном преобразовании общества. В социалистическом обществе нет противоречия между мечтой простого человека и стремлениями всего общества.

Советские люди являются участниками превращения в действительность светлых мечтаний многих поколений. В дореволюционное время известный художник Васнецов, побывав в Вятской губернии, изобразил «идеальную деревню будущего»: ряд небольших домиков, школа, клуб. И это все, к чему сводился когда-то несбыточный идеал деревни. Если же посмотреть сейчас на хороший колхоз в той же Вятской (ныне Кировской) области, то увидишь дома, даже двухэтажные городского типа, библиотеку, спортивный зал, столовую, мастерские, зернохранилища, гаражи, электростанцию, личные автомобили колхозников.

В. И. Анучин вспоминает об участии В. И. Ленина в одном оживленном разговоре о будущем обществе. Это было в 1897 году в Красноярске. Некий скептик, будущий меньшевик Скорняков «подпустил» ложку дегтя: «Мечты, мечты! Где ваша сладость!»

Владимир Ильич возразил: «Да, мечты, молодой человек! Мечты! Без мечты человек превращается в животное. Мечты двигают прогресс. Величайшая мечта — социализм...

— А при социализме мечтать будут? — не унимался Скорняков.

— А вы думаете, что тогда будут чмокать у корыта и радостно хрюкать от изобилия?! Осуществленная мечта — со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 198.

циализм откроет новые грандиозные перспективы для самых смелых мечтателей»¹.

Изобретательство и рационализация производства связаны с активизацией творческого воображения колхозника, рабочего, техника, инженера. Члены коллектива московского автозавода, создатели междугороднего автобуса рассказывали, что не раз после ходовых испытаний приходилось заново конструировать отдельные детали и целые узлы. И когда были закончены государственные испытания, устранены отмеченные комиссией дефекты, в цех все же приходили работники конструкторского бюро, что-то изменяли в двигателе, в кузове, хотели сделать лучше, надежнее.

Фантазия как показ в виде образов желанного, прогрессивного, передового или, наоборот, отсталого, чуждого, враждебного порождает художественный вымысел и замысел. Представление о том, какой должна быть жизнь и какой она бывает, является существенным элементом в литературе и искусстве. А поскольку эти представления реализуются в определенных произведениях, воображение проявляется не только в образах и сюжете, но и в композиции произведения, и в подборе средств для осуществления художественного замысла.

Образы фантазии в художественном творчестве проникают чувствами самого автора. Переживая чувства и воплощая их в художественные образы, он заставляет читателей, зрителей, слушателей в свою очередь переживать и радоваться. Бурные чувства гениального Бетховена, музыкально-образно выраженные в его симфониях и сонатах, вызывают ответные чувства у многих поколений музыкантов и слушателей.

Производственный труд, техника, наука и искусство — основные области, в которых проявляется активное творческое воображение человека. Конечно, творческое воображение имеет место в любой области человеческой деятельности (организационной, педагогической, медицинской, спортивной), однако не следует отождествлять творчество с воображением.

О творчестве можно говорить только тогда, когда представления воображения так или иначе реализуются. В творческой деятельности, помимо воображения, необходимы практические навыки выполнения возникающих замыслов: можно очень живо вообразить картину, а нарисовать — нечто весьма далекое от замысла. Чтобы стать творческим работником, инженером-конструктором, новатором сельского хозяйства, художником, надо много и упорно учиться, а главное пройти школу трудовой деятельности.

Труд дает жизненный опыт, без которого никакое творчество невозможно. Ежедневно в редакции наших газет и журналов приходят тысячи писем: наряду со статьями и заметка-

¹ «Литературный современник» № 1, стр. 7. Л. 1940.

ми поступает великое множество стихов, подавляющее большинство которых написано молодыми людьми в возрасте до 20 лет. Типичный недостаток незрелых произведений — отсутствие у молодых авторов жизненного опыта, своего, пережитого, быть может выстраданного, но заветного и неповторимого опыта, получаемого только в результате кипения в гуще трудовой жизни. Его невозможно почерпнуть только из одних книг.

Молодому человеку, который почувствовал призвание к труду писателя, но не обрел еще жизненного опыта, лучше не торопиться с поступлением в Литературный институт, а поехать работать на целинные земли, лесосплав, новостройки. Это будет первая и лучшая школа для творческого воображения. А уже затем, когда художнику будет что сказать, стоит подумать и над тем, как сказать; приступить к серьезной литературной учебе, приобретая специальные навыки и умения.

Иногда может показаться, что труд писателя легок, хотя бы потому, что орудиями труда служат «всего лишь» перо и бумага. Между тем это совсем не так. «Труд мой любому труду родствен», — писал Владимир Маяковский, и, подчеркивая необычайную трудность поэтического труда (этой подлинной «добычи радия»), продолжал:

Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
из артезианских
людских глубин¹.

В статье «Как делать стихи» Маяковский приводит некоторые примеры этой огромной работы. Так, в стихотворении «Сергею Есенину» строчка:

для веселия
планета наша
мало оборудована,

имела одиннадцать вариантов, которые последовательно отбрасывались поэтом как неудачные:

- 1) наши дни к веселью мало оборудованы;
- 2) наши дни под радость мало оборудованы;
- 3) наши дни под счастье мало оборудованы;
- 4) наша жизнь к веселью мало оборудована;
- 5) наша жизнь под радость мало оборудована;
- 6) наша жизнь под счастье мало оборудована;

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 122—123. М. 1958.

- 7) для веселий планета наша мало оборудована;
- 8) для веселостей планета наша мало оборудована;
- 9) не особенно планета наша для веселий оборудована;
- 10) не особенно планета наша для веселья оборудована;
- 11) планетишка наша к удовольствиям не очень оборудована;

И наконец, последняя, 12-я:

для веселия планета наша мало оборудована...

«Я мог бы, — писал трудолюбивый поэт, — произвести целую защитительную речь в пользу последней из строк, но сейчас удовлетворю простым списыванием этих строк с черновика для демонстрирования, сколько надо работы класть на выделку нескольких слов»¹.

О громадной, добросовестной и кропотливой работе свидетельствуют рукописи, черновики и записные книжки А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. «Тысячи тонн словесной руды» потребовалось им извести, чтобы найти верное, точное, единственно возможное слово, которое восхищает нас в их произведениях.

В процессе творческой деятельности видную роль играют моменты особого подъема сил человека, то психическое состояние, которое называется вдохновением. Вдохновение, по словам А. С. Пушкина, есть «расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных».

Нет никаких оснований противопоставлять вдохновение в творческой деятельности труду, который составляет его основу. *Вдохновение это не наитие, не откровение, неизвестно откуда и почему сошедшее на человека, а момент в творчестве, который становится возможен только в том случае, если он подготовлен трудом.* Оно предполагает колоссальную сосредоточенность внимания, мобилизацию памяти, воображения и мышления на решение какой-то капитальной проблемы в научном, художественном или техническом творчестве.

Вот рассказ выдающегося физиолога и физика Гельмгольца о методах его творческой работы. «Всегда было необходимо прежде всего изучить всесторонне эту проблему до такой степени, чтобы держать все острые углы и сложные стороны «в уме», чтобы можно было пробежать по ним свободно, без записей. Довести дело до такого положения без долгой предварительной работы обычно невозможно. Потом, когда утомление, вызванное этой работой, проходит, можно прийти в состояние полной физической свежести и хорошего самочувствия, прежде чем придут хорошие идеи. Часто они приходят по утрам... Малейшая доза алкоголя уносит их»².

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 111.

² Р. Вудвортс. Экспериментальная психология, стр. 773. М. 1950.

По словам Репина, вдохновение это «награда за каторжный труд». Чайковский говорил о том, что вдохновение не приходит к ленивым.

Труд, фантазия, мышление, внимание и вдохновение сплавлены в творческой деятельности в единое целое и обеспечивают создание новых оригинальных и ценных произведений.

«ТЕХНИКА» ФАНТАЗИИ

Как же возникают фантастические образы? По каким законам осуществляется их построение? Неужели все произведения человеческого воображения создаются также, как в сказках конструируется «избушка на курьих ножках»: из двух-трех элементов, объединенных механически? Нет. «Избушка на курьих ножках» — это фантастический образ простейшей композиции, которая называется в психологии *агглютинацией*, от латинского слова, означающего «приклеивать», так как здесь как бы склеиваются, соединяются несоединимые качества, свойства, части.

Путем агглютинации строится большая часть сказочных образов. Техника построения здесь относительно проста. Например, Леонардо да Винчи, объясняя, как создать вымышленное животное, предлагал взять голову овчарки, присоединить к ней глаза кошки, уши — филина, нос — борзой собаки, брови льва, шею водяной черепахи и так далее. Очевидно, что в результате подобного объединения получалось бы существо поистине чудовищное и в целом ни на что не похожее. Отметим, что такие приемы применяются не только в художественном, но и в техническом творчестве: например, аэросани — сочетание частей и качеств самолета и саней, танк-амфибия — сочетание танка и лодки, аккордеон — сочетание фортепьяно и баяна.

Другим приемом преобразования представлений служит увеличение или уменьшение предмета или его частей, будь то человек, зверь или неодушевленное существо. Этот прием также входит в арсенал средств построения сказочного образа. Вспомним великанов и карликов в народных сказках, бробдингнежцев и лилипутов в «Путешествиях Гулливера» у Джонатана Свифта. Сюда же следует отнести изменение количества частей предмета и их смещения: многорукие богини в индийской мифологии, одноглазые циклопы у Гомера, «шестикрылые серафимы», драконы с семи головами и прочие сказочные существа могут служить образцом такого построения фантастического образа.

Однако есть значительно более сложные приемы создания представлений творческого воображения, пленяющих нас в художественной литературе. Наташа Ростова и Пьер Безухов, Аксинья Астахова и Григорий Мелехов, Даша Булавина и

Иван Телегин — все эти образы, порожденные творческим вымыслом и замыслом великих писателей, не являются результатом простого объединения, механического «приклеивания» одних частей, свойств и качеств к другим. Несмотря на великолепные реалистические образы, все же они продукт фантазии автора (недаром некоторые литературные герои нам ближе иных хороших знакомых), и таких людей, как Наташа, Пьер, Аксинья, не было на свете.

Каким же путем идет в воображении писателя построение реалистического художественного образа?

В беседе с ударниками-комсомольцами А. М. Горький пояснял: «Как строятся типы в литературе? Они строятся, конечно, не портретно, не берут определенно какого-нибудь человека, а берут тридцать-пятьдесят человек одной линии, одного ряда, одного настроения и из них создают Обломова, Онегина, Фауста, Гамлета, Отелло и т. д. Все это — обобщенные типы»¹. В другой беседе он советовал: «Если вы описываете лавочника, так надо сделать так, чтобы в одном лавочнике было описано тридцать лавочников, в одном попе — тридцать попов, чтобы, если эту вещь читают в Херсоне, видели херсонского попа, а читают в Арзамасе — арзамасского попа... Все большие произведения всегда суть обобщения. «Дон-Кихот», «Фауст», «Гамлет» — все это обобщения»².

Мы считаем талантливыми, указывал Горький, литераторов, которые хорошо владеют приемами наблюдения, сравнения, отбора наиболее характерных классовых особенностей и включения «воображения» этих особенностей в одно лицо; так создается литературный образ, социальный тип. «Воображение — один из наиболее существенных приемов литературной техники, создающей образ»³. Воображение, подчеркивал он, заканчивает процесс изучения, отбора материала и окончательно формирует его в живой положительно или отрицательно значительный социальный тип. Фантазия выступает здесь не как процесс механического комбинирования каких-то человеческих свойств и качеств, а как процесс их широкого обобщения и типизации.

Образ, возникший в голове художника как результат обобщения громадного числа живых впечатлений от множества конкретных людей, которых ему удалось повидать и узнать, обязательно согрет теплотой его чувств. Только в этом случае он может произвести необходимое эмоциональное воздействие на читателя, только таким образом фантазии человек верит. А без такой веры, воображение было бы «пустой игрой ума, бессмысленным детским калейдоскопом».

¹ А. М. Горький. Собр. соч., т. 26, стр. 79. М. 1953.

² Там же, стр. 64—65.

³ Там же, стр. 333.

Некоторые авторы сами чрезвычайно эмоционально относились к продуктам своего воображения, остро и болезненно переживали воображаемые ситуации. Вот отрывок из письма Флобера, датированного «пятница 23 декабря 1853 г., 2 часа ночи»: «С двух часов дня (за исключением двадцати пяти минут на обед) я пишу «Бовари». Описываю прогулку верхом, сейчас я в самом разгаре, дошел до середины; пот льет градом, сжимается горло. Я провел один из тех редких дней в моей жизни, когда с начала до конца живешь иллюзией. Давеча, в 6 часов, в тот момент, когда я писал слова «нервный припадок», я был так возбужден, так горланил и так глубоко чувствовал то, что переживает моя бабенка, что даже испугался, как бы со мной самим не случился нервный припадок; чтобы успокоиться, я встал из-за стола и открыл окно. У меня кружилась голова»¹.

Ч. Диккенс, прежде чем решиться закончить роман «Лавка древностей» смертью Нелли, долго колебался. В одном из писем он писал: «Смерть Нелли была делом провидения, но пока что я сам почти мертв от убийства моего ребенка». А в другом письме, написанном в период окончания романа, мы читаем: «Я буду ходить с разбитым сердцем»². Быть может, эмоциональность, с которой писатель работал над образом Нелли, и объясняет то впечатление, которое произвело произведение на современников. Смерть маленькой героини многие из читателей восприняли, как тяжелый удар. Диккенс получал письма от читателей, где его обвиняли в жестокости. Знаменитый ирландский политический деятель О'Коннель, прочитав трагический конец романа, со слезами на глазах воскликнул: «Он не должен был убивать ее! Он не должен был убивать ее! Она была слишком добра!» и с возмущением выбросил книгу за окно³.

В художественном творчестве фантазия и большие человеческие чувства не отделимы друг от друга. Творческое воображение писателя не довольствуется простым комбинированием имеющихся представлений, сочетанием и «склеиванием» элементов, преувеличением или преуменьшением чего-либо — хотя такие приемы тоже допустимы, — решающую роль в нем играет обобщение, типизация, эмоциональная насыщенность образа, подчинение его замыслу, основой которых является богатство впечатлений, острый глаз зоркого наблюдателя жизни, творца и работника. «Свободное воображение ловит в окружающей нас жизни сотни частей и соединяет их в стройный и мудрый рассказ. Нет ничего, чем пренебрег бы сказочник, — будь то горлышко пивной бутылки, капля росы на пере, потерянный иволгой, или заржавленный ульичный

¹ Флобер Г. Собр. соч., т. 5, стр. 134. М. 1956.

² Ивашева В. В. Творчество Диккенса, стр. 122. М. 1954.

³ Сильман Т. И. Диккенс, стр. 142. М.—Л. 1948.

фонарь. Любая мысль — самая могучая и великолепная — может быть выражена при дружеском содействии этих скромных вещей»¹.

Простое «склеивание» элементов не играет ведущей роли не только в художественном, но и в научном, техническом ображении. И здесь идет сложный процесс возникновения замысла, изучения отдельных фактов, обобщения, синтеза, интуиции. «Я думаю, — замечал Горький, — что именно фантазия, «выдумка» создала и воспитала тоже одно из удивительных качеств человека — интуицию, то есть «домысел», который приходит на помощь исследователю природы в тот момент, когда его мысль, измеряя, считая, останавливается перед измеренным и сосчитанным, не в силах связать свои наблюдения, сделать из них точный практический вывод. Тогда на помощь исследователю является домысел: «А может быть, это вот так?» И, дополняя разорвавшуюся цепь своих наблюдений звеном условного допущения, ученый создает «гипотезу», которая или оправдывается дальнейшим изучением фактов, — и тогда мы получаем строго научную теорию, или же факты, опыты опровергают гипотезу»².

Так в научном творчестве фантазия объединяется с мышлением, и этот драгоценный сплав является необходимым материалом создания нового и ценного.

МЕЧТА ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

Удельный вес фантазии чрезвычайно велик в истории создания каждого предмета, каким бы будничным и далеким от фантазии он ни казался. В этом смысле можно сказать, что *любой предмет, сделанный руками человека, это осуществленная мечта.*

Несколько лет назад летчик, пролетавший над пустынными районами Австралии, неожиданно обнаружил в местности, считавшейся безлюдной, неизвестное новое племя. Люди из этого племени были доставлены в современный город, они с удовольствием и испугом смотрели на многоэтажные дома, автомобили, пароходы. Но, к изумлению окружающих, ни автомобиль, ни телевизор, ни радио не произвели на туземцев такого потрясающего впечатления, как спичка, которую, закуривая, зажег один из ученых. В этом не было ничего удивительного: мечта тесно связана с потребностью, а быстрое добывание огня принадлежит к числу самых насущных потребностей у людей, пользующихся для этой цели вращением и трением деревянных палочек.

Эта история может заставить по-иному смотреть на окружающие нас вещи — самые обычные, хорошо знакомые, виден-

¹ Паустовский К. Г. Собр. соч., т. 5, стр. 608. М. 1958.

² А. М. Горький. Собр. соч., т. 25, стр. 86.

ные тысячу раз. В самом деле, *все вещи — это чья-то мечта, но уже воплощенная, мечта вчерашнего дня, сегодня ставшая явью.*

Обычное оконное стекло было когда-то неосуществимой мечтой: окна затягивали бычьим пузырем, едва пропускавшим свет. Поэт Дм. Кедрин, рисуя обстановку дворца Ивана Грозного, писал: «...лился свет в слюдяное оконце...». В те времена люди мечтали о прозрачном материале, который пропускал бы свет, как вода или воздух. Замена дров каменным углем в печах для варки стекла, а также новый состав самого стекла позволили получить такой прозрачный материал. Мечта о нем осуществилась, хотя он не всегда являлся достаточно прозрачным.

Но обычное стекло не пропускает ультрафиолетовых лучей: у детей, находящихся в помещении, освещаемом через такие стекла, не крепнут кости, а солнечные лучи, профильтрованные стеклом, почти безопасны для вредных микробов. А в то же самое время работники архивов и библиотек мечтали о стекле, которое бы совсем не пропускало ультрафиолетовых лучей, вызывающих разрушение бумаги и гибель книг. Разные, даже прямо противоположные потребности вызывали и противоположные мечты.

Небольшая прочность стекла, особенно опасная при автомобильных катастрофах, породила новую мечту — мечту о стекле, прочном, как сталь. И тогда появилось закаленное стекло, слоистое стекло и ряд заменителей стекла.

Этот пример показывает, как вещи, бывшие некогда фантастическими, становятся обыденными, привычными, прочно входят в быт. Новое поколение берет вещь, о которой мечтали и которую создали их отцы, и использует ее как ступеньку для осуществления новых мечтаний, которые возникают, когда человек сталкивается с несовершенством вещей, с новыми потребностями.

Воплощение мечты вызывает новую потребность, а новая потребность порождает новую мечту, подобно тому, как из зерна вырастает колос, содержащий новое зерно. Сначала каждое новое достижение, новая вещь кажется прекрасной, но по мере освоения обнаруживается ее несовершенство, и люди начинают мечтать о лучших вещах, появляются новые потребности, которых раньше не могло быть. В любом обычном предмете можно увидеть аккумулированную мечту многих поколений. Для этого достаточно рассмотреть историю этого предмета, всегда увлекательную, часто неожиданную. Чем длиннее эта история, чем больше менялся предмет, тем большее число осуществленных желаний и мечтаний можно в нем рассмотреть.

Обычные консервы — осуществление мечты о долгом сохранении пищи, на пути реализации которой использовали и

засолку, и сушку, и замораживание продуктов. Но как только научились делать консервы, появились новые потребности: сохранение витаминов, сохранение внешнего вида и вкуса консервируемых продуктов. Швейная машина, электрическая лампочка, часы, авторучка — сколько труда, мысли, выдумки и фантазии было затрачено, пока они стали привычными спутниками человека!

Осуществление одной мечты очень часто помогает осуществляться и другой. Мечта о прозрачных окнах осуществилась. Но прозрачное стекло нужно не только для окон. Сколько людей, потерявших в какой-то степени зрение, мечтали о возможности вернуть его. Однако в древности очки не могли стать доступными многим людям, так как для них шлифовали прозрачные камни, имеющие высокую стоимость. Римский император Нерон, который был близорук, пользовался огромным отшлифованным изумрудом. Без прозрачного стекла долго было невозможно видеть недоступные глазу очень маленькие вещи и далекие предметы на Земле, на Луне и планетах. Без прозрачного стекла нельзя было изобрести термометр, барометр, фотоаппарат. Реализация мечты о новом материале, обладающем прозрачностью, позволила осуществить ряд других мечтаний.

Чтобы осуществилась большая мечта, сначала надо осуществить тысячи маленьких мечтаний многих прошлых поколений. Например, надежда узнать, из чего состоят звезды, являлась мечтой первого порядка, а менее фантастическая мечта — научиться варить прозрачное стекло для окон — мечтой второго порядка. Но если бы не научились варить прозрачное стекло, Ньютон не открыл бы дисперсии света, не был бы изобретен спектральный анализ и очень долго не было бы известно, из чего состоят звезды.

О роли ученых, о роли науки в осуществлении вековечных чаяний человечества много пишут авторы популярных книг. Но они часто забывают о простых людях, о рабочих, технологах, без которых невозможно движение науки. Люди, которые мечтают о новых материалах, новом топливе, новых методах обработки, люди, делающие вещи, — именно эти люди позволяют осуществить самые великолепные фантазии.

В наши дни, когда осуществляются самые светлые мечты, требующие совместных усилий целых коллективов ученых, работающих в разных отраслях науки, еще больше возрастает роль рабочих, конструкторов, технологов.

4 октября 1957 года у Земли появился искусственный спутник. Исполнилась мечта К. Э. Циолковского, великого мечтателя нашего века, который писал, что сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка, за ними шествует научный расчет, и уже в конце концов исполнение венчает мысль. Мечту

Циолковского осуществили советские люди, подтвердив его научные расчеты.

Но прежде чем искусственный спутник Земли был создан, должны были осуществиться тысячи других мечтаний. Появилась реактивная авиация, ракеты взлетали в стратосферу, изучая ее строение и состав, создавались новые жароустойчивые сплавы, новые виды ракетного топлива, увеличивалась надежность работы радиоаппаратуры, совершенствовались радиолокационные установки, а счетные машины с огромной быстротой стали вычислять траектории полетов. И в результате — советские люди создали искусственную комету, искусственную планету солнечной системы, сфотографировали невидимую с Земли сторону Луны.

МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

В сказках герои летают по воздуху то на волшебном коне, то на ковре-самолете, то на птицах. Люди издавна мечтали о полете. В древней Греции родился миф об Икаре, взлетевшем к Солнцу. Летать люди учились постепенно и медленно: воздушные шары были игрушками ветра, неуклюжие дирижабли и первые самолеты из дерева и холста были несовершенны и ненадежны. Пятьдесят лет назад в мире было всего 300 летчиков!

Современные самолеты зависят от дорожек для взлета и посадки: им нужны специальные аэродромы. И вот на наших глазах возникает безаэродромная авиация — самолеты, взлетающие и садящиеся вертикально. Современные самолеты не могли парить в воздухе на одном месте, и вот появились вертолеты и турболеты, реактивные двигатели, стоящие на платформе без крыльев.

Новые достижения всегда порождают новые потребности. Огромна скорость и грузоподъемность современных самолетов, но и расход горючего очень велик. В результате самолет чрезмерно перегружается горючим. Ученые думают и работают над созданием атомных реактивных двигателей, которые вместо сотен тонн обычного горючего будут расходовать лишь граммы делящихся радиоактивных веществ.

Но применение таких двигателей ставит новые задачи. Необходимо позаботиться о защите экипажа и пассажиров от вредных излучений атомного двигателя. Возникают проекты, которые сегодня кажутся фантастическими. Например, впереди идет самолет с атомным двигателем без экипажа, а за ним на буксире следует планер, с которого люди управляют полетом. Другие изобретатели мечтают о материале, тонкий слой которого поглощал бы вредные лучи.

А некоторые идут в своих замыслах еще дальше. Они говорят: вертолет, висящий в воздухе, потребляет горючее.

атомный двигатель тоже потребляет его, хотя и меньше, а ракеты, с помощью которых запускаются искусственные спутники Земли, сжигают сотни тонн горючего, чтоб поднять сотни килограммов полезного веса. Как изменилась бы техника полета, если бы удалось создать невесомые летательные аппараты! Фантаст Уэллс именно в таком аппарате отправил своих героев на Луну, и, может быть, летательные аппараты будущего будут основаны именно на регулировании силы земного притяжения.

В сказках люди не только летают. Колечко или клубок ниток указывает герою путь к определенной цели. Сегодня это тоже перестало быть сказкой. Автопилот ведет самолет по курсу к заданной цели без участия человека. Экспериментальные машины сами, без летчика, взлетают с аэродрома и, пролетев по заданному маршруту, совершают посадку.

Но люди все-таки не удовлетворены. Они хотят летать, как птицы, хотят чувствовать себя в воздухе так же уверенно, как на Земле. Сейчас строятся самолеты, легкие, как мотоциклы, самолеты с машущими крыльями, проектируются аппараты, которые позволят человеку перепрыгивать через реки, совсем как сказочному герою.

Развитие авиации наглядно показывает, как осуществление большой мечты вызывает к жизни все новые и новые мечты: мечта, бывшая вначале общей, расплывчатой, туманной (просто «летать») или, наоборот, крайне конкретной («летать, как птица») меняется, разветвляется по новым, неожиданным направлениям.

Еще раз вернемся к сказкам и найдем в них такое, что кажется совсем уж несбыточным и невозможным. Вот семиголовый Змей Горыныч, головы которого отрубать бесполезно, — они снова вырастают, или «живая вода», которая спасает от всех болезней и даже оживляет мертвых. Очевидно, еще в момент своего возникновения эти сказки опирались на какие-то факты и наблюдения. Вспомним целебные источники, вода которых помогает при многих заболеваниях. У некоторых животных отрастают утерянные части тела: хвост у ящерицы, лапы у тритона, голова у улитки. Тритону даже приращивали лишнюю лапу и он работал ею как своей собственной. В фантастической повести «Человек-амфибия» А. Беляев описал сад талантливого хирурга, где бегали самые удивительные звери: многие из них могут быть в недалекие времена созданы наукой. Удастся прирастить отрезанную лапу даже собаке, хотя это и очень трудная операция: ведь надо скрепить кости, сшить нервы, мышцы и кровеносные сосуды. Артерии и вены сшиваются специальной машиной, которая «шьет» танталовыми скрепками. Собака с пришитой лапой через несколько месяцев может нормально ею пользоваться. Возможно, что при очень быстрой и умелой хирургической помощи и использо-

вании современной техники и человеку со временем можно будет пришить на место руку или палец.

В другом фантастическом романе А. Беляева («Голова профессора Доуэля») хирург сумел пересадить голову одного человека на туловище, принадлежащее другому. С людьми этого пока еще не умеют делать. Однако лягушки, которым вставляют чужое сердце, продолжают жить. У людей удается благополучно пересаживать роговицу глаза, сосуды, хрящи, кости, которые хранятся в особых хранилищах. (Мы говорили, что и обычные консервы — фантазия, но конечно, еще более фантастично хранение в консервированном виде тканей и органов для пересадки).

У крыс удается пересаживать лапы. У собак хирурги пересаживали сердце, легкие, почки и даже голову. Собаки с пересаженными органами некоторое время жили (собака с пересаженной головой жила 6 дней), но затем гибли. Второе сердце, пересаженное собаке, жило больше месяца и работало наряду с ее собственным.

Вопрос о причинах гибели пересаженных органов выяснен современной наукой в общих чертах. В процессе эволюции у организмов выработалась способность бороться с чужеродным белком, и она защищает организм, например, от бактериальных инфекций. Но эти же защитные силы организма губят чужой пересаженный орган. Если бы удалось найти два совершенно одинаковых в биохимическом отношении организма, то, вероятно, была бы возможна пересадка от одного к другому того или иного органа. Пока же известен лишь единственный случай, когда удалось произвести удачную пересадку почки одного человека другому и тем спасти ему жизнь. Эта пересадка была произведена у близнецов, организмы которых крайне сходны были не только внешне, но и по химическому составу белка.

Но ведь людей-близнецов очень мало, а болезнь или несчастный случай может постигнуть любого человека. Как же преодолеть несовместимость тканей различных людей? Основания для пессимистических предсказаний нет. 50 лет назад неудачи при переливании крови были обычным явлением, потому что тогда не знали о различных группах крови. Еще 10 лет назад при переливании крови бывали несчастные случаи, так как некоторые особые различия крови у разных групп людей еще не были известны. Может быть, среди людей существуют и группы, однородные по совместимости органов? Может быть, надо только уметь подобрать нужную группу?

Все больше сказок становится былью.

«По щучьему велению, по моему хотению идите ведра сами домой», — говорили сказочные герои. А сегодня мы подходим к водопроводному крану, открываем его и вода сама «идет» к нам домой. Жизнь обгоняет сказку. Перо жар-птицы и ночью

светило ярко, как днем, наука же создала лампы, вспыхивающие ярче солнца. В сказках топор сам рубил дрова, а наука создала сложные автоматы и целые цехи, где изготавливаются автомобильные и самолетные двигатели без вмешательства человека. «Катилось яблочко по серебряному блюдечку», и герои сказки видели города и села, леса и горы. Теперь же для этого достаточно включить телевизор.

Мы живем в эпоху, когда расстояния от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращаются с поразительной быстротой, указывал А. М. Горький. Для наших дней крайне характерно огромное ускорение осуществления больших человеческих замыслов. За последние сто лет люди осуществили их больше, чем в любое прошлое столетие. И это совершенно естественно, так как *чем больше мечтаний уже осуществилось, тем быстрее могут быть решены новые задачи, удовлетворены новые потребности.* Ракеты, летящие на Луну, корабли, приводимые в движение атомной энергией, машины, решающие сложнейшие задачи, — великие достижения нашего века.

Человек сотни тысяч лет не умел добывать огонь, сеять хлеб, писать. От ветряной мельницы до паровой машины прошло тысячелетие, от открытия электрического тока до широчайшего его применения прошло столетие. От возникновения идеи о возможности цепной реакции в уране до ее осуществления прошло около десятилетия. Создается впечатление, что наука стала обгонять мечту. Некоторые фантастические романы устаревают, не успевая выйти из печати.

Может быть, в наше время роль мечты убывает? Может быть, скоро наука осуществит все мечты человечества, даже самые дерзкие? Конечно, нет. Осуществление одной мечты порождает другую; с удовлетворением одних появляются другие потребности.

Мечты бессмертны и бесконечны. Но нельзя надеяться на стихийное возникновение фантазий. Именно в наши дни, в нашей стране, *для того чтобы обеспечивать развитие науки, человек должен учиться фантазировать, должен тренировать свое воображение.* А для этого нужно хорошо знать, что представляет собой этот великолепный инструмент познания и изменения мира, каковы закономерности, которым он подчинен, надо знать психологию и физиологию фантазии.

ВООБРАЖЕНИЕ — ПРОДУКТ РАБОТЫ МОЗГА

Возникновение образов фантазии — это результат деятельности мозга человека. *Фантазия, как и все остальные психические процессы, является функцией коры больших полушарий.*

О том, что это так, свидетельствует ряд неопровержимых фактов, и прежде всего расстройство воображения при нарушении нормальной работы мозговой коры в результате ранений, ушибов и других травм. Истории болезней, описывающие поведение больного при травматических поражениях мозга, говорят о страхах, которые охватывают его, о воображаемых опасностях, которые ему мерещатся, об устрашающих образах, навязчиво возникающих перед ним.

Физиологическую основу памяти составляет замыкание временных связей и их последующая актуализация (возобновление, растормаживание). «Механизм» воображения имеет с этим процессом много общего, но вместе с тем и нечто специфическое, особое. Если в процессах памяти замкнувшаяся связь в дальнейшем возобновляется, воспроизводится в общем *в том же самом виде*, то в процессах фантазии образовавшиеся в течение жизни человека системы связей как бы распадаются и в дальнейшем объединяются *в новые системы*. Это объединение становится возможным в результате возникновения в коре мозга достаточно сильного очага возбуждения, что бывает обычно при пробуждении какой-либо потребности или под влиянием какого-либо непосредственного впечатления. Таким образом у фантазирующего человека группы нервных клеток в центральной нервной системе связываются по-новому. От этого зависит характерная новизна образов фантазии по сравнению с образами памяти и частичное совпадение с ними.

Материалистический взгляд, что фантазия это продукт работы мозга, дает нам возможность правильно понять удивительные явления, в которых обнаруживается влияние образов фантазии на ход физиологических процессов в теле человека.

Еще в средние века был известен поразительный факт: у некоторых людей, преимущественно страдавших нервным расстройством (истерией), после размышлений о муках, которые, по евангельской легенде, претерпел на кресте Иисус Христос, появлялись «знаки распятия» на ладонях и ступнях ног в виде кровоподтеков и даже язв. Такие знаки получили название «стигматы» (по-гречески «стигма» означает «рубец», «знак»). Верующие таких людей считали «отмеченными богом», а служители культа использовали их для доказательства «правдивости» религиозных басен. Между тем, возникновение «стигматов» имеет отнюдь не сверхъестественные, а объяснимые, объективные причины, которые стали известны сравнительно недавно в связи с новейшими успехами психологии и физиологии. Но раньше, чем объяснить причину появления «стигматов», расскажем о некоторых экспериментах и фактах.

Испытуемому предлагали проделать в воображении какую-нибудь работу, например, представить, что он поднимает тяжесть. При этом экспериментатор точно фиксировал те ор-

ганические процессы, которые протекали у испытуемого. Обнаружилось, что при воображаемой физической работе происходят заметные физиологические изменения: ускоряется пульс, повышается кровяное давление, усиливается поглощение кислорода. Советский психолог К. Х. Кекчеев показал, что яркое представление прикосновения льда к коже может вызвать учащение пульса. Еще более удивительное явление наблюдалось у людей, находившихся в состоянии гипноза. Прикосновение холодной мокрой ватки к поверхности кожи испытуемого (в сочетании со словами гипнотизера: «К вашей руке притрагиваются раскаленным железом») вызывало покраснение, припухлость, волдырь, т. е. типичную картину ожога.

Некоторые наблюдения над людьми, отличавшимися впечатлительностью и богатым воображением, дают также интересные факты о влиянии воображения на протекание физиологических процессов. Когда Флобер писал сцену отравления Эммы Бовари, он ясно ощущал во рту вкус мышьяка.

Подвергавшийся исследованию в Институте психологии С. В. Шершевский обладал предельной яркостью образов воображения. Психолог А. Р. Лурия рассказывает: «Достаточно было Шершевскому что-нибудь представить себе, — или, как он говорил, «видеть», и мы могли наблюдать удивительные перемены, происходившие в его теле. В специальных опытах... мы могли наблюдать, как он мог повысить температуру правой руки на 2° и понизить температуру левой руки на 1,5°; для этого ему было достаточно «увидеть», что его правая рука лежит на краю плиты, а левой он держит кусок льда. Без большого труда он ускорял ритм работы сердца («видя» себя бегущим за грамваем) или замедлял его («видя» себя спокойно лежащим на постели); у него отмечались явления депрессии альфа-ритма в электроэнцефалограмме¹, когда он, сидя в темноте (экспериментальной. — А. П.) камеры, начинал «видеть» яркий пучок света. Он мог переносить удаление зуба без наркоза, «видя», что в кресле сидит другой и что тому другому, а вовсе не ему, рвут зуб»².

В этой же связи уместно вспомнить и о некоторых заболеваниях, которые своим возникновением также обязаны чрезмерной впечатлительности и живому воображению. Иногда непосредственным поводом для подобного заболевания становится неосторожное или неправильно понятое слово врача.

¹ Запись с помощью специального прибора (электроэнцефалографа) электрической активности коры головного мозга. В состоянии относительного покоя кривая электрической активности мозга характеризуется правильными ритмическими колебаниями («альфа-ритм») при волнении, усиленном внимании альфа-ритм тормозится («депрессия альфа-ритма»).

² Журн. «Вопросы психологии» № 1 за 1960 г., стр. 155.

Известны случаи, когда под влиянием прочитанного описания заболевания не искушенный в медицине человек воображает, что он заболел именно этой болезнью, и у него развиваются соответствующие симптомы. Так возникают заболевания «библиогенные», т. е. вызванные чтением литературы о болезнях.

Герой юмористической повести Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке» был подвержен такому «библиогенному» заболеванию: «Помню я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, — кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось, потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, — какой-то ужасный бич, насколько помню, — но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь. Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова начал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа... и обнаружил, что я болен брюшным тифом, — болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства. Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, — это воспаление коленной чашечки... Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом»¹.

Правда, герой книги легко излечивается от всех этих «болезней», воспользовавшись рецептом врача, где между прочим значились: фунтовый бифштекс, горькое пиво, десяти-мильная прогулка ежедневно и добрый совет не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь. Однако в жизни «библиогенные» заболевания кончаются далеко не так благополучно. Известный советский психиатр К. И. Платонов рассказывает о больной, которая, прочтя учебник терапии, сама

¹ Джером К. Джером. Избранные произведения, т. I, стр. 28. М. 1957.

себе поставила диагноз — «стенокардия» и после этого пять месяцев лежала в постели, потеряв трудоспособность, боясь заснуть, чтобы во сне не умереть «от разрыва сердца».

Травмирующее воздействие, возбуждающее фантастические страхи, может вызвать и педагогически бестактный поступок учителя или его неосторожное слово. Так возникают нервные расстройства, которые иногда называют «дидактогенными».

К. И. Платонов приводит следующий пример¹. Людмила В., 16 лет, ученица 9-го класса, здоровая, трудолюбивая, усидчивая (по словам матери), обратилась к нему с жалобами на «панический страх», который с некоторых пор овладевает ею перед классными письменными работами. Задолго до предстоящей письменной работы у нее развивается состояние внутренней тревоги, с болезненно-напряженным ожиданием «чего-то неотвратимо страшного». Вместе с тем в эти дни отмечается резко сниженный аппетит, плохой сон, полная невозможность готовить уроки. Во время самой письменной работы Людмила испытывала состояние растерянности, не могла сосредоточиться, не помнила написанного, проявляла повышенную торопливость, причем все «проходило как в тумане»; вследствие этого делала много необычных для нее опусок и грубых ошибок по тем правилам грамматики, которые прекрасно знала. Домашние работы она писала спокойно и без ошибок.

Что же было причиной этой нервозности и фантастических опасений, которые определяли реальные неудачи при написании письменных работ? Как выяснилось, еще в 4-м классе Людмила перешла в другую школу, но там учительница встретила ее недружелюбно и при устных ответах давала ей слишком сложные задания. Но с устными ответами девочка справлялась. Однако во время первой же письменной работы учительница резко бросила фразу: «Языком ты крутишь хорошо, а вот посмотрим, как напишешь!» Девочка сразу сильно взволновалась: «А что если наделаю ошибок!». И почувствовала, что ее всю «охватило жаром», руки, лицо и все тело вспотели, в голове «пошел туман», и вся работа была написана ею, как в тумане: «что писала — не помню». А при известии о плохой отметке (возвращая работу, учительница сказала: «Я так и знала!») с девочкой что-то произошло: «внутри как-то все осунулось» и снова появился «туман в голове». С этого дня и возник страх перед классными письменными работами.

Легко заметить, что все эти факты сходны с загадочными «стигматами» религиозных фанатиков. Сходство заключается в том, что и там и здесь представления фантазии не только

¹ К. И. Платонов. Слово как физиологический и лечебный фактор, стр. 255. М. 1957.

регулируют поведение человека, но и властно вмешиваются в протекание физиологических процессов и до известной степени видоизменяют их. При этом нельзя забывать, что *образы фантазии остаются функцией мозговой коры и сами по себе, помимо мозга, разумеется, не могут влиять на органы тела человека.*

Фантазирующий человеческий мозг оказывает регулирующее воздействие на периферические части организма, изменяет процесс их функционирования и порождает явления, кажущиеся сверхъестественными. Возникновение «стигматов» является, по всей вероятности, результатом местного нарушения кровообращения под влиянием ярких представлений религиозного воображения, особенно сильных у впечатлительных людей-истериков. Возможность воспроизвести «стигматы» экспериментальным путем, например, в гипнотическом сне, лишает их покрова таинственности и обнаруживает их естественное происхождение.

ГРЕЗЫ ВМЕСТО ДЕЛА

Несмотря на высокое назначение мечты и фантазии, ее величайшую ценность для человека и человечества, все же слова «фантазия», «воображение» настораживают людей, заставляют их несколько скептически, недоверчиво относиться к тому, что составляет содержание некоторых образов фантазии. Это и понятно, так как *фантазия может развиваться в двух направлениях.* В одних случаях человек временно как бы «отлетает» от действительности, чтобы сначала в голове своей преобразовать что-то в окружающем мире, по-новому увидеть его и познать, а затем реально изменить. Тогда воображение органически связывается с активной деятельностью человека и прежде всего с трудом и способствует интенсивному развитию личности.

В других случаях он «улетает» на крыльях безудержной фантазии из реального мира в мнимую нереальную область, чтобы скрыться там от кажущихся ему неразрешимыми задач, от тяжелых условий, от следствий своих ошибок и т. д. И тогда воображение как бы опускает завесу между человеком и действительной жизнью. Французский психолог Рибо рассказал о провинциальном аптекаре, который выдумал себе второе существование в роли богатого и знатного вельможи. Сидя в аптеке за конторкой, он представлял себе великосветские приемы, выезды, роскошь и богатство, бесчисленных слуг, лакеев, садовников, готовых выполнить любое приказание хозяина. Как-то в один из таких моментов, когда он с декоратором «обсуждал» цвет драпировок в гостиной, в аптеку вошел посетитель и осведомился, не может ли он видеть хозяина. Каково же было изумление посетителя, когда апте-

карь весьма надменно сообщил ему, что хозяин находится в своем замке в Нормандии и принять его не может. Впрочем, аптекарь тут же, спохватившись, рассыпался в извинениях.

Создав образ пустого и никчемного Манилова, Н. В. Гоголь обобщенно изобразил тип людей, которые всякое дело готовы заменить разговорами, которые в бесплодной мечтательности видят удобную возможность прикрыться завесой фантазии от необходимости что-то делать. Именно о такой пустой мечтательности, при которой происходил разлад между мечтой и действительностью, писал Д. И. Писарев: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти»¹. Такого рода мечты, не связанные с волей, направленной на ее выполнение, называют обычно «грезами». Люди грезят о чем-то приятном, радостном, заманчивом, причем в их грезах легко обнаруживается связь продуктов фантазии с потребностями и желаниями.

Герой повести Куприна «Поединок» подпоручик Ромашов прозябал в заштатном городке, остро ощущал всю никчемность и бессмысленность своего существования, презирал затхлый и скотский быт офицерства, видел забитость солдата, грубость военного начальства. Он лишь в грезах находил успокоение и радость: «...в нем тотчас же, точно в мальчике... закипели мстительные, фантастические, опьяняющие мечты. «Глупости! Вся жизнь передо мной!» — думал Ромашов, и, в увлечении своими мыслями, он зашагал бодрее и задышал глубже. — Вот, назло им всем, завтра же с утра засяду за книги, подготовлюсь и поступлю в академию. Труд! О, трудом можно сделать все, что захочешь. Взять только себя в руки. Буду зубрить, как бешеный... И вот, неожиданно для всех, я выдерживаю блистательно экзамен. И тогда наверно все они скажут: «Что же тут такого удивительного? Мы были заранее в этом уверены. Такой способный, милый, талантливый молодой человек».

И Ромашов поразительно живо увидел себя ученым офицером генерального штаба, подающим громадные надежды... Имя его записано в академии на золотую доску. Профессора сулят ему блестящую будущность, предлагают остаться при академии, но — нет — он идет в строй. Надо отбывать срок командования ротой. Непременно, уж непременно в своем полку. Вот он приезжает сюда — изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вежливый, как те офицеры генерального штаба, которых он видел на прошлогодних больших маневрах и на съемках...».

¹ Д. И. Писарев. Избранные произведения в двух томах, т. II. стр. 124.

Блестящий офицер генерального штаба Ромашов идет все выше и выше по пути служебной карьеры. В мечтах подпоручика мелькают маневры, подавление бунта, во время которого он особо отличился, героическое поведение на войне. «Он и сам не заметил, как дошел до своего дома и теперь, очнувшись от пылких грез, с удивлением глядел на хорошо знакомые ему ворота, на жидкий фруктовый сад за ними и на белый крошечный флигелек в глубине сада.

— Какие, однако, глупости лезут в башку! — прошептал он сконфуженно. И его голова робко ушла в приподнятые кверху плечи»¹.

Так и бывает. *Если человек пассивен, если он не борется за лучшее будущее, а настоящая жизнь его трудна и безрадостна, то он часто создает иллюзорную, выдуманную жизнь, в которой «сполна удовлетворяются» его потребности, где нет изнурительного труда, лишений, отчаяния, горя.*

Но как бы ни были ярки эти грезы, они не могут заслонить реальной жизни. Конечно, какая-нибудь молодая парижанка, продавщица универсального магазина, едва сводящая концы с концами, может вообразить себя кинозвездой, богачкой, элегантно одетой и пресыщенной жизнью. Однако один взгляд — презрительный или высокомерный, сочувственный или насмешливый, — брошенный кем-то на ее потрепанный, выдавший виды плащ и давно вышедшие из моды туфельки, способен разбить вдребезги все эти великолепные грезы.

И тогда остается средство усилить, подкрепить, сделать ощутимыми и реальными эти несбыточные мечты. Наркотики! Одна принятая таблетка или одна ампула, впрыснутая под кожу — и грезы приобретают осязаемость действительности. Не случайно, что статистика бесстрастно свидетельствует о катастрофически увеличивающемся в буржуазных странах числе наркоманов, особенно среди молодежи. Тяжела расплата за кратковременную реализацию мечты! Проходит год-другой, и наркоман превращается в тяжелого инвалида, психически больного, жалкого и несчастного.

Туманные грезы безвольного человека или бредовые видения наркомана, являясь продуктами пассивного воображения, в сущности остаются достоянием лишь того человека, который их переживает. Они рождаются и умирают в его голове, а другой человек лишь по сбивчивым рассказам может судить о их содержании: для постороннего никакой ценности и значения они не могут иметь.

Однако есть такие грезы, которые становятся общественным достоянием и оказывают влияние на других людей и даже играют известную роль в их судьбе.

¹ А. И. Куприн. Собр. соч., т. 3, стр. 318—319. М. 1958.

В 1516 году была издана английским философом Томасом Мором «Золотая книга столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопии». В нем описывались порядки и общественное устройство острова Утопия, где установлена социальная справедливость, а граждане достигли благоденствия.

В этом романе соединились замечательное прозрение относительно будущего общества с наивной идеализацией средневековья. «Утопия, — пояснял В. И. Ленин, — есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — место. Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка. Утопия в политике есть такого рода пожелание... которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил»¹.

Утопия Томаса Мора не была первой и не стала последней. Задолго до Мора сложились утопические представления о Государстве Солнца у античных писателей Ямбула, Диодора и других. После романа Мора появились социальные утопии Бэкона «Новая Атлантида», Кампанеллы «Город Солнца», Кабе «Путешествие в Икарию» и другие. Общее свойство всех этих благородных, но несбыточных мечтаний заключалось в полном отрыве теории от практики, в непонимании законов исторического развития, а потому и в бесполезности их для переустройства общества.

И все-таки человечество благодарно этим замечательным мечтателям, заглянувшим далеко в будущее и увидевшим там еще неясные контуры бесклассового общества. Им посвятил следующие слова замечательный скульптор Сергей Коненков: «Движущую силу мечты трудно выразить в математической формуле или изобразить графически, но несомненно, что мечта там, где бурлит и побеждает разумная человеческая мысль.

Знаменосцы человечества отважно глядели вперед, с титанической устремленностью раскрывая тайны будущего. Они шли на невероятные муки, на невзгоды, огонь и виселицы не смогли победить их надежду и веру. Славный сын Англии Томас Мор, казненный по приказу короля на плахе, в своей «Утопии» предвидел время, когда «утопийцы» при ограниченном рабочем дне достигнут полного изобилия. Больше трех столетий отделяет нас от дней, когда жил и мыслил неукротимый доминиканец Кампанелла, создавший во время своего тюремного заключения одну из первых коммунистических утопий. Свою мечту о государстве будущего он назвал «Город Солнца». Сколько поэзии, величественной музыкальности, а главное, глубины в этом символическом названии! Все

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 326.

живое тянется к солнцу. Солнце — это свет и радость. В «Городе Солнца» живут люди освобожденного труда. Солнечные лучи выражают собой идеалы коммунизма.

Мечта Кампанеллы о золотом веке, когда «раем станет бытие», — это не только аллегория, а прежде всего гениальное предвидение того времени, когда восторжествует разум и знание; счастье, искусство и доброта распространятся среди всего людского рода»¹.

Фантастические, утопические учения пробуждали в людях благороднейшие мысли и жажду борьбы за торжество справедливости. В этом отношении, несмотря на всю свою оторванность от реальности, утопии близки к мечте активной, участвующей в переустройстве мира, хотя и не вполне совпадают с ней.

Благоговение перед писателями-утопистами, жившими на заре научного социализма, не мешает нам со всей нетерпимостью относиться к утопическим мечтаниям, которые противопоставляются революционной практике сейчас, когда пришла пора изменить мир не в мечтах и грезах, а на деле.

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, —
Чести безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой, —

говорит Актер в пьесе А. М. Горького «На дне».

Советским людям, как и великому гуманисту Горькому, чужда подобная психология «утешительства»: она размагничивает человека, обезоруживает его перед лицом трудностей, заменяет борьбу за лучшее будущее пустыми мечтами о нем.

Нет более прекрасной мечты, чем мечта о коммунистическом обществе, но для советских людей это уже не мечта, а наше ближайшее будущее, за которое мы боремся, которое повседневно и повсечасно строим.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ И СНОВИДЕНИЯ

Как бы ни были отчетливы, ярки и живы грезы, нормальный человек в тот момент, когда они возникают, не принимает их за нечто реальное, так как ему нетрудно провести грань между тем, что представляется, и тем, что действительно существует.

Но у людей, психически ненормальных, образы фантазии приобретают черты реальности. У душевнобольного они конкурируют с тем, что он действительно воспринимает. Для него они являются абсолютно достоверными: душевнобольной, которому «представляется» его давно умерший родственник, разговаривает с ним как с живым и ни на минуту не сомневается

¹ С. Коненков. Коммунизм и культура. Журн. «Коммунист» № 7 за 1959 г., стр. 38.

в реальности последнего. Такие «сны наяву» и называются галлюцинациями.

А. М. Горький вспоминал о старике Ермолае Макове, торговце «древностями», который страдал стойкими зрительными и осязательными галлюцинациями более чем двадцать лет. Они возникли у него после неудачной попытки самоубийства. «Испугался я, пошел на чердак, изделал петлю, привязал к стропилу, — углядела меня прачка, зашумела — вынула из петли. И после того очутилось около меня несообразное существо: шестиногий паук, величиной с небольшого козла, бордат, рогат... о трех глазах, два ока — в голове, а третье — меж грудями, вниз, в землю глядит, на мои следы. И куда не иду, он невступно за мной перебирается, мохнатый, на шести ногах, вроде бы тени лунной, и никому его не видать, кроме меня, — вот он здесь, а ты его не видишь, вот он!»

Протянув руку влево от себя, Маков погладил что-то в воздухе, на высоте вершков десяти от палубы; потом вытирая руку о колено сказал:

— Мокрый.

— Что же ты, так двадцать лет и живешь с пауком? — спросил я.

— Двадцать три. Ты думаешь — безумен я? Вот ведь, стража моя, вот он прихилился, паук-от...

...Старик снова погладил, потрогал рукой влажный воздух.

Я молчал, не зная, что сказать человеку, который живет бок о бок с таким странным созданием воображения своего, живет, а — не совсем безумен»¹.

При слуховых галлюцинациях больной слышит «голоса», различные звуки, музыку. «Голоса» то угрожают ему, то о чем-то просят, укоряют, советуют. Эти «голоса» бывают и громкими, и тихими, и грубыми, и вкрадчивыми. Иногда они имеют повелительный характер. И тогда под влиянием «приказа» больной совершает неожиданные и удивляющие окружающих поступки. Так например, одной больной «голоса приказали» вылить на себя кипяток; и дело кончилось серьезным ожогом. Другой больной при поездке в поезде «получил приказание» разорвать железнодорожный билет, и он трижды выполнял это приказание, каждый раз выходя на станциях и покупая новый. Иногда «голоса» принуждают душевнобольного к самоубийству или тяжелому преступлению. Во время разговора больного с реальными людьми «голоса» обычно умолкают, но нередко они вставляют свои замечания, причем иногда эти замечания носят издевательский характер, что мучит больного и заставляет умолкать. Слуховые галлюцинации являются частым спутником психического расстройства на почве алкоголизма.

¹ А. М. Горький. Собр. соч., т. 15, стр. 205.

Зрительные галлюцинации обычно возникают при таких болезнях как эпилепсия, истерия, а также у алкоголиков, дошедших до состояния «белой горячки». Зрительные галлюцинации устрашающего содержания тяжело переживаются больным, мучат его, истощают силы.

Возникновение галлюцинаций объяснено И. П. Павловым в учении о фазах торможения. Значительные участки мозга душевнобольного постоянно в большей или меньшей степени заторможены. При все более глубоком затормаживании нервных клеток коры больших полушарий мозга наступает уравнивательная, а затем парадоксальная фаза торможения. Галлюцинации могут появиться уже на уравнивательной фазе: следы прошлых восприятий, комбинируемые заново в образах фантазии, вызывают такую же ответную реакцию, как и реальные раздражители. Такие больные имеют галлюцинации, одновременно воспринимая реальность окружающего, и последние таким образом как бы уравниваются в правах с восприятиями. При более глубоких стадиях торможения (на парадоксальной фазе) на первый план выступают галлюцинаторные образы, а восприятия в значительной степени утрачивают характер реальности, так что окружающую обстановку больные почти не замечают. Их отношение к окружающему можно уподобить реакции зрителя, который во время киносеанса вынужден слегка посторониться, чтобы пропустить запоздавшего, ни на секунду не отрывая при этом взгляда от экрана.

Галлюцинациям родственны сновидения, которые являются, однако, продуктом здоровой, а не больной психики.

«Сон есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояние животного, в котором действие внешних предметов на все или некоторые его чувства ему бывает неизвестно. В сем положении мысленность его на приобретение новых понятий не способна, ибо чувства внешние покоятся; но творительная ее сила не коснеет. Проходя хранилище своих мыслей, она отвлекает от сохранных понятий свойство по произволению своему и, сопрягая их, вследствие совсем новых правил производит образы, коих единая возможность для бдящего есть неистощимая загадка»¹. Так писал более чем сто пятьдесят лет назад великий русский ученый и революционер А. Н. Радищев.

Бог сна древних греков Морфей цепко хранил свои тайны, и к их открытию люди пришли лишь в конце XIX и начале XX века. Но гораздо раньше стало очевидным, что туманные грезы и ужасные кошмары, посещающие человека во сне, родственны образам фантазии, являются их родными сестрами и братьями. Обрывки воспоминаний прошлого, причудливо сочетаясь в сновидениях, подчинены тем же законам возникно-

¹ А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения, стр. 368. М. 1949.

вения образов фантазии, что и удивительные вымыслы людей, наделенных богатым воображением.

В то же время фантастические сновидения содержат нечто такое, чего нельзя подметить ни в одной выдумке. И даже самые великолепные описания снов, которые мы находим в художественной литературе, не могут передать тех неповторимых в своей непосредственности переживаний, которые сопровождают сновидения.

Первое, что так заметно и характерно в сновидениях, это их чувственная достоверность. В тот момент, когда я вижу сон, я ни минуты не сомневаюсь в том, что все это происходит со мной наяву. Если же и закрадывается сомнение (бывает и такое!), то критическое отношение оказывается быстро подавленным странной логикой сновидения. Если любые, даже самые правдоподобные вымыслы и мечты можно легко отличить от того, что есть на самом деле, то в сновидениях это почти невозможно. Критичность к этим образам фантазии приходит лишь с пробуждением.

Вторая особенность сновидений — их невероятная причудливость, необычайность связей и сочетаний образов, безудержная фантастичность и легкость их образования. Кто не помнит ареопага чудовищ из сна Татьяны:

За столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там Карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.
Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет...¹

Колоссальная сила творческого воображения Пушкина в приведенном отрывке воссоздала то, что иной раз без всяких усилий творит произвольное воображение обыкновенного человека.

Третья особенность сновидений — их явная или скрытая связь с насущными потребностями человека, его заботами, надеждами и описаниями, интересами и желаниями. Не всегда и не так уже бессмысленны окажутся сновидения, если анализируя их, обращать внимание на те тенденции, которые стоят за фантазмагорией сна. Не случайно, например, появление Онегина в сонме чудовищ, если вспомнить, что волновало

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 5, стр. 106—107.

Татьяну Ларину в канун этого сна. К человеку, забывшемуся чутким сном перед боем, приходит тревожный сон, и ему может присниться, что он ранен, убит, что бой уже начался.

Но было бы ошибкой рыться в старых сонниках, ища скрытый смысл и значение в каждом сновидении. Роль сновидений в определении и изучении мотивов поведения человека крайне незначительна. Обращаться к сновидениям человека для того, чтобы сделать выводы о его психологии, столь же нецелесообразно, как, например, читать вместо интересной книги список опечаток, который к ней приложен. Справедливость этого замечания становится очевидна, если ознакомиться с механизмом возникновения сновидения.

Толчком для возникновения сновидений могут послужить те раздражения, которые получает организм спящего человека. Вот сдвинулось одеяло, слегка застыли ноги, и человеку снится, что он замерзает, что под ним проломился лед или что он бродит по колена в воде и бреднем ловит рыбу. Причина одна, а вариаций снов на тему «ноги замерзли» может быть множество.

На этом построена своеобразная методика изучения содержания сновидения в его зависимости от характера внешнего раздражения. Испытуемого подвергают во время сна тем или иным раздражениям, а потом спрашивают о том, что ему снилось. Эти опыты убедительно показали определенную зависимость снов от характера внешнего раздражения. Так, например, освещение лица спящего человека красным светом провоцировало сновидение, где фигурировали гроза, вспышки молний, багровые отблески далекого лесного пожара. К носу спящего подносят флакон с духами, и в сюжет сна врывается буйная пышность цветущего вишневого сада. Если быстро распрямить согнутые ноги заснувшего человека, то ему может присниться, — и часто так и бывает, — что он куда-то падает, проваливается. Столь же специфично содержание снов голодного человека.

Другую разновидность составляют сны, которые являются своеобразными отголосками далекого, а иногда недавнего прошлого. Напряженная деятельность мозга в часы ночного отдыха сменяется торможением. По мере торможения все новых и новых групп нервных клеток мозговой коры затухают отражательные, психические процессы. Однако подобно тому, как в потухшем костре среди обуглившихся головешек и пепла вспыхивают искорки и беглые огоньки, импульсы нервного возбуждения еще бродят в лабиринтах бесчисленных комбинаций нервных клеток, оживляя образы и способствуя возникновению снов. Кто не знает, что бурный насыщенный волнениями день нередко сменяется сном, полным переживаний и событий, правда, весьма фантастических, нереальных, но в общем «на ту же тему».

Впрочем, далеко не всегда можно найти аналогию сна с событиями, заполнявшими часы, предшествующие ночному отдыху. Сновидение может быть порождено следами давних впечатлений, иногда относящихся к далекому прошлому, и, казалось бы, прочно забытых. Но все воздействия, которые получает нервная система, все ее состояния оставляют следы более или менее прочные, и это выступает как причина удивительных снов, где причудливо смешивается настоящее и далекое прошлое. «Небывалая комбинация бывалых впечатлений», — так удачно определил И. М. Сеченов сущность сновидений.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЫМЫСЛЫ

Фантазия в своем противопоставлении действительности и отходе от нее оборачивается не только беспочвенными грезами, прекраснотушными утопиями и замысловатыми сновидениями, но и многочисленными религиозными сказками, причем здесь вред и опасность фантастических выдумок для развивающейся человеческой личности чрезвычайно велики.

Зависимость богословских откровений от необузданной фантазии религиозно мыслящих людей была ясна уже весьма давно. Напомним один примечательный эпизод из истории русского свободомыслия и вольнодумства.

В августе 1769 года магистр философии и свободных наук Дмитрий Аничков написал диссертацию под названием «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания». Протоиерей Петр Алексеев, которому попала в руки книга Аничкова, обвинил его в безбожии. На университетской конференции группа профессорско-реакционных заявила протест против свободомыслия Аничкова, а один из них даже назвал Аничкова на латинском языке «поросенком из Эпикурова стада». В донос протоиерея Алексеева в Синод говорилось, что Аничков явно «восстает противу всего христианства, опровергает священное писание, богознаменения и чудеса, рай, ад и дьяволов, сравнивая их с натуральными и небывалыми вещами, а Моисея, Сампсона и Давида с языческими богами; в утверждение того приводит безбожного Эпикура, Лукреция, да всескверного Петрония»¹. Синод определил отобрать все экземпляры книги Аничкова (случайно уцелело 2—3 экземпляра) и сжечь их в Москве на Лобном месте. Так состоялось первое в России ауто-да-фе над философской книгой.

Что же заставило нас без малого через двести лет вспомнить эту давнюю историю? Дело в том, что Аничков показал роль фантазии или воображения в возникновении религиозных представлений. Он утверждал, что у человека в результате

¹ Эпикур — древнегреческий ученый и философ, материалист и безбожник; Лукреций и Петроний — римские писатели.

страха может возникнуть и возникает представление о каком-то высшем и невидимом существе, которое надо задобрить молитвой, чтобы «оно ему не вредило», и просить о благоденствии. Страх перед непостижимыми явлениями усиливается «воображением», которое «представляет непросвещенному и слабому человеку всякую вещь в страшном виде», и человек думает, что «во всяком встречающемся с его чувствами предмете присутствует некоторое невидимое существо, вооружающее всю тварь и всякую вещь против него». Аничков спрашивал: «Кто подал понятие смертному о черном демоне в такой ужасной и скаредной ипостаси (лицо, облик. — А. П.) — с багровым носом, с рогами и с хвостом?» И отвечал: «Страх и возбужденное им воображение»¹.

Воистину — кто ничего не знает, тот всему верит! Первобытные люди, беспомощные перед лицом могущественной природы, не умея объяснить то, что происходит вокруг них, не умея отделить то, что им только кажется, от того, что есть на самом деле, во множестве творили богов, духов, придумывали всевозможные сверхъестественные существа. Религия как бы заполняла пробелы человеческого знания: чем более были велики эти пробелы, тем более велика была роль религиозных фантастических представлений. *Религия является фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневном существовании, причем земные силы принимают форму неземных, сверхъестественных.*

Религия отражает ранние примитивные этапы развития человеческого сознания. Но то, что было искренними заблуждениями дикаря, то в эпоху прогресса и цивилизации является сплошь и рядом сознательным обманом. Великий безбожник Франсуа Вольтер как-то сказал: «Мечтатели основывали религии, невежды и глупцы им верили, а обманщики их поддерживали». Друг Вольтера, англичанин Генри Болинброк, как бы развивая его мысли, иронизировал по поводу распространения религиозных сказок: «Многие из религиозных легенд передавались плутами одного века дуракам следующих веков».

Объясняя происхождение человека, религия утверждала: бог создал человека по образу и подобию своему. Между тем происходило как раз наоборот: человек создал богов по образу и подобию своему, создавая их в точности так же, как и другие образы фантазии, по тем же самым законам воображения.

Это было ясно ученым и философам уже в глубокой древности. Греческий философ Ксенофан в звучных стихах выразил эту мысль так:

¹ См. А. В. Петровский. Атеистическая диссертация в XVIII веке. Журн. «Вопросы философии» № 1 за 1950 г., стр. 277—278.

Если б руками владели быки, или львы, или кони,
Если б писать точно люди, умели они что угодно,
Кони коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С той породой, к какой он и сам на земле сопричислен:
Черными пишут богов и курносыми все эфиопы.
Голубоокими их же и русыми пишут фракийцы.

Ему вторил Анаксагор: «Когда бы себе божество птицы измыслить могли, было б крылатым оно. Для коней же бы-стролетных был бы бог четвероногим».

Вера в загробную жизнь в фантастически преобразованном виде отражает те реальные условия жизни, с которыми человек имел дело на земле. Примечательно, что в верованиях людей до возникновения классового общества и эксплуатации человека человеком не было места раю с его блаженством и аду с его муками. Только тогда, когда на земле был создан рай для эксплуататоров и ад для трудящихся, возникла необходимость создания в религиозной фантазии людей отражения земной жизни «шиворот-навыворот»: ад — для господ и рай для рабов в воздаяние за тяжкие муки последних на земле. Описания чудес рая в христианской или магометанской религиях — это лишь гиперболизированное¹ описание царских садов и дворцов, быта царей и вельмож; и здесь фантазия черпала свой материал в реальной жизни. А господствующие классы и церковь охотно принимали эту сказку для того, чтобы удерживать эксплуатируемых несбыточными посулами в повиновении. Вообще религия вместо борьбы за реальное изменение мира на основе подлинно научного понимания жизни природы и общества предлагает фантастические объяснения существующего, исключаящие вмешательство человека в то, что предопределено «промыслом божьим». К. Маркс называл религию «опиумом для народа».

К тому, что было сказано о религиозных вымыслах, следует добавить несколько слов. Галлюцинации, являясь продуктом большой психики, тем не менее при известных обстоятельствах играют немаловажную роль в жизни здоровых, нормальных людей. Содержание галлюцинаций, как и других образов фантазии, обнаруживает зависимость их от потребностей человека, его интересов, желаний. Потому содержание галлюцинаций верующего имеет сплошь и рядом религиозный характер. Вот на таких-то галлюцинациях религиозного содержания постоянно, во все века спекулировала церковь. Ни христианская, ни иудейская, ни магометанская религии не упустили случая поэксплуатировать галлюцинаторные образы душевнобольных. Галлюцинации объявлялись способом общения людей с божеством, а подверженный им человек «блажен-

¹ Гиперболизация — один из путей построения образов фантазии — усиление, преувеличение (например, великан).

ным», «отмеченным богом», «святым человеком». «Видениями богоматери», «явлениями Христа» и подобными чудесами насыщена богословская литература.

Следует учесть, что психически ненормальный человек весьма удобный объект для эксплуатации: он беззащитен, легко поддается внушению, у него отсутствует критическое отношение к окружающему. Поэтому наряду с описанием галлюцинаций, действительно испытываемых душевнобольными, священнослужители не гнушались и грубым обманом, приписывая им наряду с тем, что они «видели», и то, что они, по мнению своих «духовных отцов», должны были увидеть. С грязных спекуляций, затеянных католическими священниками вокруг источника возле г. Лурда, где крестьянской девушке якобы явилась божья мать, повествует роман Эмиля Золя «Лурд», который вызвал страх и злобу у князей церкви.

Религиозная вера одним из своих устоев признает возможность непосредственного общения с богом путем «видений» и «откровений», то есть при помощи галлюцинаций «избранников» божьих.

Иногда и сами служители культа вызывают у себя искусственно, прибегая к одурманиванию наркотиками, галлюцинации, которые затем используют в целях эмоционального воздействия на массу верующих (шаманы, дервиши, жрецы, сектанты).

Отчетливое понимание психологической природы подобных видений лишает религию этой опоры.

О РАЗВИТИИ ВООБРАЖЕНИЯ

Воплощенные в жизнь творческие мечты, туманные грезы — все это различные проявления фантазии. *Ценность воображения и его роль в развитии личности зависит от того, какие виды фантазии обладают большим удельным весом в психической жизни человека.* Если у человека над пассивной, пустой мечтательностью преобладает творческое, активное воображение, реализуемое в конкретней трудовой деятельности, то это свидетельствует о богатстве духовного мира его личности, о более высоком уровне ее развития. В еще большей степени сказывается обогащающая роль фантазии при сравнении человека, обладающего гибким творческим воображением, с человеком, у которого оно не развито и не тренировано. Английский химик Пристлей утверждал, что действительно великие открытия, до которых «никогда не додумался бы рассудительный, медлительный и трусливый ум», способны делать лишь ученые, которые «дают полный простор своему воображению». Но для того, чтобы творческая фантазия приобрела у человека силу и гибкость, необходимо развивать и тренировать ее с детства.

Казалось бы, последнее положение является само собой разумеющимся и не требующим доказательств. Однако история педагогической мысли свидетельствует о многочисленных выпадах некоторых теоретиков и практиков воспитания против воображения.

Чарльз Диккенс высмеял в «Тяжелых временах» современную ему английскую школу с ее тупым педантизмом, сухостью и черствым практицизмом. С убийственной иронией он передает наизидание воспитателя: «Как раз воображать-то и не надо. В этом вся суть! Никогда не пытайся воображать... Вы должны всегда и во всем руководствоваться фактами и подчиняться фактам. Мы надеемся в недалеком будущем учредить министерство фактов, где фактами будут ведать чиновники, и тогда мы заставим народ быть народом фактов и только фактов»¹.

«Забудьте самое слово «воображение». Оно вам ни к чему», — требует этот чиновник от просвещения, обращаясь к школьникам. Так формировались лишенные фантазии, скудные ограниченные люди: «Ни один из малолетних Грэдграйндов, увидев корову на лугу, не вспоминал о всем известной корове безрогой, лягнувшей старого пса без хвоста, который за шиворот треплет кота, который пугает и ловит синицу, или о той прославленной корове, что проглотила мальчика-спальника; об этих знаменитостях они не знали ровно ничего, и для них корова была только травоядное животное, четвероное с несколькими желудками».

В 20-х и начале 30-х годов и у нас нашлись представители лженауки — педологии, которые третируют воображение, боролись со сказками, фантастикой, мечтами ребенка. Стремясь «освободить ребенка от «фантазии», они хотели сделать его «реалистом». Однако ничего, кроме мещанского практицизма и близорукой подозрительности ко всему новому, необычайному, чудесному, они не могли привить молодежи.

Прав был К. И. Чуковский, когда спрашивал: «Почему же педологи наши сделали слово «фантазия» ругательным? Во имя чего вытравили его из психики малых ребят? Во имя реализма? Но реализмы бывают различные. Бывает реализм Бекона, Гоголя, Менделеева, Репина, а бывает тупорылый и душный реализм лабазника, реализм самоваров, тараканов и гривенников»².

И в тех немногих случаях, когда педологам удавалось справиться со своим врагом и фантазия оказывалась вытесненной из ребячей души, дети начинали сомневаться даже в вещах весьма реальных, но необычных. Например, К. И. Чуковский писал, что когда в одной из школ повели с учени-

¹ Чарльз Диккенс. Собр. соч., т. XIX, стр. 12—13. М. 1960.

² К. Чуковский. От двух до пяти, стр. 151. М. 1956.

ками разговор об акулах, то кто-то из них закричал: «Акулов не бывает!».

Однако вытравить фантазию, органически присущую психологии ребенка, педологам, конечно, не удалось, хотя ущерб делу воспитания детей они принесли значительный. Тот же К. И. Чуковский рассказывал о некоей яркой противнице сказок и фантазий, чей сын словно в отместку за то, что у него отняли сказку (а у его матери практика не расходилась с теорией и сказки были изгнаны из обихода), стал с утра и до ночи предаваться самой буйной фантастике: «То выдумает, что к нему в комнату приходил красный слон, то будто у него есть подруга медведица Кора; и, пожалуйста, не садитесь на стул рядом с ним, потому что — разве вы не видите? — на этом стуле медведица. И — «Мама, куда ты? На волков! Ведь тут же стоят волки!»¹. Таким образом ребенок, оберегая и удовлетворяя свою потребность в фантазировании, находил способ поступать вопреки взрослому человеку, неразумно препятствующему в том, что жизненно необходимо для осуществления полноценного развития человеческой личности.

Хорошие, вдумчивые, чуткие воспитатели знают, как развивает человека воображение. Дочь Карла Маркса Элеонора рассказывает, что, увлекаясь в детстве морскими повестями Мариета, она как-то спросила отца, нельзя ли ей одеться мальчиком и сбежать, чтобы наняться на военное судно. Тот уверил ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне². Планы ребенка «созревали» достаточно долго для того, чтобы измениться. Чуткий отец, Маркс ничем не нарушил развивающей ребенка игры воображения.

Заметное и важное место находит мечта в педагогической системе А. С. Макаренко. Истинным стимулом человеческой жизни, утверждал он, является завтрашняя радость, мечта о большом, по-человечески значительном счастье. Воспитывать человека — значит воспитать у него перспективные пути, на которых расположена завтрашняя радость. Завтрашний день в детском коллективе должен казаться обязательно лучше сегодняшнего. Чем старше возраст, тем дальше отодвигается обязательная грань ближайшей оптимистической перспективы. У взрослого человека бывает вполне достаточным наличие только далекой перспективы, в зависимости от сознания и политического развития данной личности.

А. С. Макаренко самый уровень развития личности ставил в зависимость от того, как и о чем умеет мечтать человек. Именно от этого, по его мнению, зависит сила и красота чело-

¹ К. И. Чуковский. От двух до пяти, стр. 147. М. 1956.

² Э. Маркс-Эвелинч. Карл Маркс. Беглые заметки, стр. 18. М. 1933.

веческой личности: «Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше».

Всей своей практической работой по воспитанию А. С. Макаренко подтверждал правильность своих идей о необходимости организации новых перспективных линий, использования уже имеющихся и постепенной подстановке более ценных. Мечта всегда являлась фактором развития любого детского коллектива, которым он руководил.

Когда колонии имени Горького стало тесно в старых границах, то колонисты вместе со своим директором начали мечтать о новых просторах, о больших полях, о своей фабрике, даже о собственном пароходе. «В колонии началась действительно счастливая эра. Месяца три колонисты жили планами. Брегель упрекала меня, заехавши в колонию:

— Макаренко, кого вы воспитываете? Мечтателей?

Пусть даже и мечтателей... Но ведь и мечта разная бывает: одно дело мечтать о рыцаре на белом коне, а другое — о восьми сотнях ребят в детской колонии. Когда мы жили в тесных казармочках, разве мы не мечтали о высоких светлых комнатах? Обвязывая ноги тряпками, мечтали о человеческой обуви. Мечтали о рабфаке, о комсомоле, мечтали о Молодце и о симментальском стаде. Когда я привез в мешке двух английских поросят, один такой мечтатель, нестриженный пацан Ванька Шелапутин, сидел на высокой скамье, положив под себя руки, болтая ногами, и глядел в потолок:

— Это ж только два поросенка. А потом они приведут еще сколько. А те еще сколько. И через... пять лет у нас будет сто свиней. Го-го! Ха-ха! Слышишь, Тоська, сто свиней!

И мечтатель и Тоська непривычно хохотали, заглушая деловые разговоры в моем кабинете. А теперь у нас больше трехсот свиней, и никто не вспоминает, как мечтал Шелапутин.

Может быть, главное отличие нашей воспитательной системы от буржуазной в том и лежит, что у нас детский коллектив должен расти и богатеть, впереди должен видеть лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой веселой мечте. Может быть, в этом и заключается истинная педагогическая диалектика»¹.

Важным видом воображения, принимающим активное участие в становлении личности ребенка, является воссоздающее воображение. При чтении художественной и учебной ли-

¹ Макаренко А. С. Соч., т. 1, стр. 392. М. 1957.

температуры, при изучении географических карт и исторических описаний постоянно оказывается необходимым воссоздавать при помощи фантазии то, что отображено в этих книгах, картах и рассказах. В своих произведениях художник, поэт или композитор апеллирует ко всем органам чувств человека, к его зрению, слуху, обонянию, заставляя путем фантазии воссоздавать картину, само появление которой обязано творческому воображению автора. Зритель, читающий или слушающий, должен обладать достаточно развитым воссоздающим воображением, чтобы увидеть и почувствовать то, что хотел передать и выразить художник.

Вот великолепное описание изморенной зноем, полуденной степи: «За тополем ярко-желтым ковром, от верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холме хлеб уже скошен и убран в копны, а внизу еще только косят... Шесть косарей стоят рядом и взмахивают косами, а косы весело сверкают и в такт, все вместе издают звук: «вжжи, вжжи!» По движениям баб, вяжущих снопы, по лицам косарей, по блеску кос видно, что зной жжет и душит. Черная собака с высунутым языком бежит от косарей навстречу к бричке, вероятно, с намерением залаять, но останавливается на полдороге и равнодушно глядит на Дениску, грозящего ей кнутом: жарко лаять! Она баба поднимается и, взявшись обеими руками за измученную спину, провожает глазами кумачевую рубаху Егорушки. Красный ли цвет ей понравился, или вспомнила она про своих детей, только долго стоит она неподвижно и смотрит вслед...»¹.

Многие школьники имеют дурную манеру пропускать или бегло проглядывать в книгах описание природы, характеристику интерьера или городского пейзажа, словесный портрет героя. В результате они не дают пищу воссоздающему воображению и крайне обедняют свое художественное восприятие. Если прочитать приведенный выше отрывок бегло, наскоро, то фантазия попросту не успевает развернуть перед нами яркую и красочную картину знойной степи.

Поэтическое восприятие, имеющее в своей основе воссоздающее воображение, требует вдумчивого чтения, внимательного рассматривания картины, слушания серьезной музыки.

Отличной школой воображения служит изучение географических карт. Привычка странствовать по карте и представлять в своем воображении разные места помогает правильно увидеть их в действительности. Предварительное ознакомление с местностью по карте дает возможность увидеть ее с большей зоркостью, чем если мы не имеем о ней никакого понятия. Об этом хорошо пишет К. Паустовский: «Еще в детстве у меня появилось пристрастие к географическим картам. Я мог сидеть над ними по несколько часов, как над увлекательной

¹ А. П. Чехов. Собр. соч., т. 6, стр. 136. М. 1950.

книгой. Я изучал течение неведомых рек, прихотливые морские побережья, проникал в глубину тайги, где маленькими кружочками были отмечены безыменные фактории, повторял, как стихи, звучные названия — Югорский Шар и Гебриды, Гвадаррама и Инвернесс, Онега и Кордильеры. Постепенно все эти места оживали в моем воображении с такой ясностью, что, кажется, я мог бы написать вымышленные путевые дневники по разным материкам и странам»¹.

Разумеется, такое воображаемое путешествие должно сопровождаться изучением различной соответствующей литературы и других материалов. К. Паустовский прежде чем начать писать книгу о «Кара-Бугазе» и задолго до путешествия к этому удивительному заливу в воображении своем странствовал по угрюмым берегам Каспийского моря и одновременно с этим читал Пржевальского и Анучина, Свена Гедина и Вамбери, Мак-Гахама и Грум-Гржимайло, дневники Шевченко на Мангышлаке, историю Хивы и Бухары, докладные записки лейтенанта Бутакова, труды путешественника Карелина, изыскания геологов и стихи арабских поэтов. Все это послужило материалом для его работы и оказалось причиной того, что на тех местах, где он вскоре стал жить и работать, как сам он отмечал, остался как бы легчайший след воображения, дополнительный цвет, дополнительный блеск, некая дымка, не позволяющая смотреть на них скучными глазами.

Воображение можно тренировать и развивать, как любую сторону психологического облика личности человека. Леонардо да Винчи советовал, например, развивать фантазию, разглядывая различные пятна, трещины стен, облака, и находить в них сходство с людьми, пейзажами, сражениями и т. п.

Пространственное воображение, столь необходимое при изучении стереометрии и начертательной геометрии, развивается при внимательном рассматривании чертежей и натуральных объемных тел в различных ракурсах.

Навыки воображения развивал у будущих актеров К. С. Станиславский: он предлагал ученику, у которого бездействовало воображение, какой-либо простой вопрос. Чтобы дать более удовлетворительный ответ, ученику приходилось либо тотчас же расшевелить свое воображение, заставить себя увидеть внутренним зрением то, о чем его спрашивают, либо подойти к вопросу «от ума, от ряда последовательных суждений». Работа воображения, замечал К. С. Станиславский, очень часто подготавливается и направляется такого рода сознательной, умственной деятельностью. Но вот ученик что-то увидел в своей памяти или воображении; перед ним встали определенные зрительные образы. Пробудив раз воображение, он мог увидеть то же два, три, много раз. Однако бывало и

¹ К. Паустовский. Собр. соч., т. 2, стр. 547.

ленивое воображение, которое не всегда отзывалось даже на самые простые вопросы. Тогда преподавателю ничего не оставалось, как задав вопрос, самому же подсказать ответ на него. Если предложенное учителем удовлетворяло ученика, он, принимая чужие зрительные образы, начинал по-своему что-то видеть.

При подобном способе, предложенном Станиславским, сам ученик перенимал у учителя прием подстегивания своего воображения, начинал будоражить его вопросами, которые теперь подсказывала ему работа его собственного ума. Так образовывалась привычка сознательно бороться с пассивностью, вялостью своего воображения.

Развивать воображение можно разными путями, но обязательно в такой деятельности, которая без фантазии не может привести к желаемым результатам.

* * *

*

Развитие воображения неразрывно связано с развитием личности человека в целом. Один из первых исследователей воображения, французский психолог Рибо сделал попытку найти закономерность развития воображения и даже выразить ее математически. Согласно Рибо творческое воображение в своем развитии проходит три стадии или фазы. Первый период охватывает детство, отрочество и юность — это эпоха игр, сказок, романтизма, период безраздельного господства фантазии. Второй — характеризуется столкновением вымысла, субъективного воображения с объективностью мышления, рационального, рассудочного. Наконец, в третьем периоде фантазия полностью подчиняется интеллекту и вытесняется последним.

Нетрудно заметить и понять, что «закон Рибо» характеризует не столько общечеловеческие закономерности развития воображения, сколько обнаруживает некоторые характерные черты развития личности человека в буржуазном обществе. Типичное для молодого человека, живущего в условиях капитализма, отрезвление, уход в прозу жизни, отказ от заветных мечтаний юности и «утрату иллюзий» Рибо возводит в общий закон развития воображения. Вступая в жизнь и сталкиваясь с лживыми нормами буржуазной морали жестокой эксплуатации человека человеком, громадным социальным неравенством, юноша и девушка вынуждены расстаться с идеалами, мечтами и надеждами. Этого требует капиталистический строй, где господствует бессердечный чистоган. Естественно, что там фантазия полностью вытесняется из повседневной жизни этих людей, либо сохраняется в самых пассивных своих формах.

Иное дело в нашей стране и в странах лагеря социализма. Наша действительность открывает перед каждым человеком

и прежде всего перед молодежью неограниченные просторы для приложения творческих сил. «Страна мечтателей, страна героев» — поется в одной из любимых комсомольских песен. Эти слова не даром стоят рядом: в Советской стране на каждом шагу замечательные, смелые, дерзкие мечты воплощаются в героические дела во славу нашей Родины.

МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ЛЕКТОРУ

Задача лекции «О роли фантазии в развитии личности» заключается в том, чтобы дать слушателям научно правильное понимание сущности фантазии, ее роли в формировании качеств личности и ее места в творческой деятельности человека, а также наметить пути развития воображения в детском и юношеском возрасте. В лекции должны быть освещены также вопросы атеистического воспитания (на материалах анализа различных религиозных вымыслов).

Следует широко использовать примеры о роли творческого воображения в тех видах деятельности, которые являются близкими аудитории (техническое изобретательство, рационализаторские предложения и т. п.).

В родительской аудитории большое значение имеет возраст детей слушателей. Родителей детей младшего возраста особенно заинтересует развивающая роль сказок, живых красочных описаний, стихов. Им важно разъяснить значение тактичного подхода к вымыслам маленьких детей, не допуская в то же время развития лживости как черты характера ребенка.

Родителям, дети которых учатся в старших классах, уместно напомнить, что мечты подростка лишь тогда способствуют развитию его личности, когда они оказываются связанными с живым конкретным делом, в котором он находит свое место. Говоря о воссоздающем воображении, желательно указать на вред соревнования «кто быстрее читает», которое иногда имеет место в подростковом возрасте. Следует обратить их внимание на значение отбора художественной и научно-популярной литературы, которая способствует развитию воображения.

Читая лекцию *учителям и пионервожатым*, целесообразно обратить особое внимание на роль мечты в жизни детского коллектива. Особо следует выделить идеи А. С. Макаренко о перспективных линиях развития коллектива и о «завтрашней радости» как стимуле развития личности. В такой аудитории можно подробнее остановиться на методических вопросах, в частности, подчеркнуть значение географических карт, всевозможных средств наглядности, яркого образного слова учителя для развития фантазии и, следовательно, личности уча-

щихся; желательнo отметить, что сочинения, в особенности на свободную тему, способствуют развитию творческого воображения детей.

При подготовке и чтении лекции *в молодежной аудитории* надо иметь в виду, что у молодежи существует несколько двойственное отношение к фантазии, вызываемое отчасти пониманием фантазии как беспочвенных измышлений, лишь компрометирующих серьезного человека. Поэтому слушателей следует познакомить с двумя направлениями в развитии фантазии и указать двоякую роль, которую играет фантазия в становлении и формировании личности человека: 1) мечту как замысел, фантазию, предшествующую труду и включенную в труд как его обязательная предпосылка и 2) мечту как вымысел, туманную грезу, выступающую в качестве замены деятельности, разоружающую, ослабляющую человека.

Учащихся старших классов вне всяких сомнений заинтересуют приводимые в лекции факты, относящиеся к различным случаям патологии воображения (галлюцинации, стигматы), а также к сновидениям. Не обходя в лекции и ответах на вопросы эти явления молчанием, тем не менее не следует акцентировать на них внимание, и лучше отослать слушателей к специальной научно-популярной литературе.

В лекциях для молодежи, разумеется, надо избегать назидательного тона. Освещая вопросы о развитии фантазии, не следует излагать методику работы с коллективом и другие, собственно педагогические вопросы. Лекция должна нацеливать молодежь на самовоспитание ценных качеств личности, к которым принадлежит и творческое воображение.

После лекции хорошо показать научно-популярный фильм, рассказывающий об удивительных достижениях советской науки и техники, о новаторах промышленности и сельского хозяйства, о творчестве художника или артиста, или научно-фантастический художественный фильм.

ЛИТЕРАТУРА

- М. И. Калинин. Статьи и речи о коммунистическом воспитании. М. 1951.
- А. С. Макаренко. О воспитании молодежи. М. 1951.
- Психология (под ред. А. А. Смирнова). Учебник для педагогических институтов, гл. 10. М. 1956.
- Теплов Б. М. Психология, гл. 7. М. 1954.
- Фортунатов Г. А. и Петровский А. В. Психология, гл. 5. М. 1958.
-

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

В 1961 ГОДУ ВЫШЛИ В СВЕТ:

- № 1. Г. С. Прозоров. Из чего складывается культура советского человека.
№ 2. А. П. Калашникова. Возрастные особенности и воспитание дошкольника в семье.
№ 3. О. А. Турченко. Труд и воспитание характера (Заметки о детской литературе).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- В. А. Мякушков. Воспитание трудовых навыков у детей в семье (Практическое пособие).
Р. Д. Брусничкина. Советский учитель.
М. Ф. Шабаева. Школа стран народной демократии.
И. Ф. Свядковский. Игра, труд и развлечение в жизни детей.
В. Г. Ширяева. Театр и дети.
-

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

По призыву нашей партии в нашей стране ширится поход за культуру, за знания. Как подлинное детище народа родились и работают по всей стране народные университеты культуры.

Учитывая потребность слушателей в научно-популярной и учебной литературе, издательство «Знание» приступило в 1961 году к изданию новой массовой серии «Народный университет культуры», предназначенной для одногодичных народных университетов культуры, а также для широкого круга читателей, занимающихся самообразованием.

Книжки серии «Народный университет» будут давать краткое изложение основ наук с учетом их современных достижений и практического использования в общественном производстве.

Серия издается по следующим
пяти факультетам:

	Количество брошюр в год	Подписная цена на год
Общественно-политический	20	1 р. 20 к
Естественнонаучный	30	1 » 80 »
Технико-экономический	30	1 » 20 »
Сельскохозяйственный	20	1 » 20 »
Литературы и искусства	30	1 » 80 »

Тематика каждого факультета объявлена в тематическом плане Издательства, имеющемся в отделениях «Союзпечати» и в книжных магазинах «Союзкниги».

Подписывайтесь на новую серию «Народный университет культуры»

Подписка принимается всеми городскими и районными отделениями «Союзпечати», конторами, отделениями и агентствами связи, почталъонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство «Знание»
Всесоюзного общества по распространению
политических и научных знаний